

Жизнь в начальной школе текла размеренно и спокойно. В один прекрасный день ректор Вэй неожиданно вызвал Цзи Юаня в кабинет и завёл разговор о его желании перескочить через несколько классов. Поразмыслив над словами прадедушек, ректор специально расспросил своего знакомого, работавшего учителем в городе, и, лишь убедившись, что Министерство образования разрешает одарённым ученикам перепрыгивать через классы, набрался храбрости позвать Цзи Юаня.

Цзи Юань, разумеется, согласился, однако условием ректора Вэя было то, что на итоговых экзаменах мальчик должен написать контрольные за третий класс, набрав не меньше восьмидесяти баллов. Только в таком случае ему позволят перепрыгнуть через классы.

Цзи Юань сразу же замахнулся на цель в виде пятого класса.

Ректор Вэй вытаращил глаза:

— Цзи Юань, я знаю, что ты у меня умный, но давай-ка сперва справишься с программой третьего.

— Пожалуйста, дайте мне экзаменационный билет для третьего класса. Прямо сейчас, — произнес Цзи Юань.

— Ты уверен? Не хочешь сначала сходить домой и немного повторить материал?

— Да, не нужно.

— Что ж, давай посмотрим, насколько ты у меня умен.

Ректор Вэй не любил заносчивых детей и тут же велел учителю принести экзаменационные билеты за прошлый семестр для третьего класса.

Цзи Юань принялся сдавать экзамен прямо на месте и справился очень быстро. Учитель тут же проверил работу: по родному языку и математике стояли высшие баллы — ровно по сто.

Тогда Цзи Юань снова заговорил:

— Пожалуйста, дайте мне контрольную за пятый класс, дедушка ректор. Если по какому-то из предметов я наберу меньше девяноста баллов, я послушно пойду в тре... эм, в четвёртый, как вам такой вариант?

Ректор Вэй велел принести экзаменационные билеты за прошлый семестр для пятого класса. Цзи Юань снова писал прямо в кабинете, и проверка проводилась тут же: по математике — сотня, по родному языку — девяносто четыре балла. Для начальной школы Хунсин такие результаты были безусловно великолепными, и даже учитель с готовностью закивал:

— Наш лучший ученик по общей сумме баллов отстает от Цзи Юаня. Ректор, отправлять его в пятый класс можно без всяких сомнений.

Человек опытный и рассудительный, ректор Вэй на всякий случай проявил осторожность и снова съездил в центр города, чтобы посоветоваться со знакомым.

— Сразу через четыре класса перепрыгнуть? Ты уверен? — изумленно спросил тот. — Ребенок, о котором ты говоришь, действительно настолько умен?

Ректор Вэй кивнул:

— Вообще-то, мне кажется, и с шестым классом у него проблем не будет, но в следующем семестре ему уже сдавать экзамены в среднюю школу, а я боюсь, что у него останутся пробелы в базе, так что лучше пока придержать коней.

— Зачем придерживать? Пусть участвует, так даже лучше! Нет-нет, ему не нужно просто разрешать прыгать через классы, тебе следует заставить его сдавать экзамены в среднюю школу в статусе ученика первого класса!

Знакомый ректора Вэя заходил по кабинету туда-сюда и взволнованно заговорил:

— Если он поступит, это докажет высочайший уровень образования в вашей школе! Это же политические очки, ты понимаешь, что такое политические очки?

В те времена понятий вроде качественного или индивидуального образования еще не существовало. Напротив, вразрез с будущими тенденциями, все учебные заведения страстно увлекались взращиванием юных гениев. Классы вундеркиндов и одаренных детей росли как грибы после дождя, родители наперебой стремились пристроить туда своих чад. Совсем не так, как в грядущие времена, когда за вывеску классов вундеркиндов и гениев стали бы только клеймить позором за калечение судеб детей.

Тогда школы отличались поистине огромной смелостью, и каждая жаждала вырастить хоть парочку гениев, способных в десять лет поступить в университет, а в двенадцать — получить докторскую степень. О том, сможет ли такой вундеркинд адаптироваться к университетской жизни и образованию, здорова ли его психика, те, кто их воспитывал, по крайней мере, даже не задумывались. Родители же пребывали в блаженном неведении и верили школе во всё. Лишь спустя много лет, когда из выпускников этих спецклассов выросла толпа людей с высокими баллами, но нулевыми практическими навыками, не умевших ничего, кроме как сдавать экзамены, система эта под шквалом критики канула в Лету.

Однако в настоящий момент в образовательной среде царил всеобщее убеждение: способность взрастить юного гения доказывала, что при всей своей бедности и отсталости страна обладает высочайшим уровнем образования, порой не уступающим международным стандартам. В определенном смысле это отвечало идеологическим запросам кое-кого наверху, а потому система пользовалась мощнейшей поддержкой и считалась одним из важнейших показателей достижений для любой школы.

Ректор Вэй, застрявший в оторванном от цивилизации поселке Биньцзян, не слишком-то разбирался в текущих тенденциях образовательного мира. Выслушав вдохновенную тираду друга о политических очках, он почувствовал, как сердце в груди забилось гулко и часто.

Политические очки!

Он уже в годах, расти по службе ему больше некуда, да и нынешняя должность ректора — лишь компенсация за пережитые в прошлом страдания, так что к личным достижениям он был равнодушен. Но вот с политическими очками придет и финансовая поддержка, а значит, можно будет наконец придумать, как построить в школе нормальную спортивную площадку и библиотеку.

Вернувшись в школу, ректор Вэй снова вызвал Цзи Юаня в кабинет и протянул ему два листа с заданиями:

— Вот, я принес тесты из Первой городской школы, попробуй решить.

Он замазал заголовок со словами «шестой класс», чтобы Цзи Юань не догадался, что это задания для выпускного года.

Мальчик ничего не заподозрил: он в принципе не видел особой разницы между задачками по родному языку и математике для пятого и шестого классов. На одном дыхании справившись с тестами, он, пока ректор проверял работы, поинтересовался:

— Дедушка ректор, теперь-то я могу перепрыгнуть в другой класс?

Еще переступив порог, Цзи Юань заметил странное выражение лица ректора Вэя — тот явно столкнулся с какой-то непростой задачей, и мальчик очень надеялся, что это не связано с его переводом.

Хотя заново переживать детские годы было довольно забавно, он вовсе не собирался тратить целых шесть лет на просиживание штанов в начальной школе.

Ректор Вэй закончил проверять тесты и шумно выдохнул. Математика — сто баллов, родной язык — девяносто два. У Цзи Юаня наблюдался небольшой уклон в точные науки, но не критичный; в целом результаты оставались блестящими. Если бы это были результаты обычной контрольной, с ними можно было смело поступать в спецшколу.

Ректор Вэй окончательно успокоился и сказал Цзи Юаню:

— Цзи Юань, дружок, если получится, позови, пожалуйста, маму завтра в школу. Мне нужно обсудить с ней твой перевод.

Цзи Юань обрадовался:

— Дедушка ректор, то есть вы хотите сказать, что я могу перепрыгнуть в пятый класс?

— Ну... сначала нужно поговорить с твоей мамой, а потом уже решать...

Вернувшись домой, Цзи Юань сразу же поделился новостью с домашними и на все лады стал расписывать свое желание сразу пойти в пятый класс. Ли Шулань энтузиазма сына не разделяла: ее пугал вовсе не уровень его успеваемости, а то, что в пятом классе малыша начнут обижать старшеклассники.

— Я учился драться у брата Сяосиня, меня никто не обидит, — уговаривал Цзи Юань. — К тому же я могу пойти в тот же класс, где учится брат Сяоу. Раз он рядом, мне не страшны чужие задиры.

Эти слова наконец убедили Ли Шулань, и она согласилась сходить в школу для переговоров.

На следующее утро Ли Шулань отпросилась с работы и пришла в начальную школу Хунсин. В кабинете ректора состоялась беседа между ней и ректором Вэем, а Цзи Юань присутствовал от начала до конца и просто слушал.

Что касается успеваемости мальчика, обе стороны быстро пришли к консенсусу и признали, что в переводе нет никаких проблем. Но стоило Ли Шулань немного пообщаться с ректором Вэем и услышать, что тот предлагает отправить Цзи Юаня на младшие экзамены, как она категорически уперлась. Она и в пятый-то класс отпускала сына без особой радости, что уж говорить о средней школе. Ученики средних классов как раз находились в бунтарском, озорном возрасте, а ее сынишка такой тощий и мелкий — стоить кому-то толкнуть его, как он тут же рухнет на землю. Где уж Ли Шулань рисковать и отправлять его в среднюю школу раньше времени? И уж тем более она не собиралась делать из сына вундеркинда.

Цзи Юань, напротив, был удивлен. Он никак не ожидал, что ректор Вэй замышляет оставить его числиться в первом классе, чтобы в следующем семестре заявить на экзамены в среднюю школу как первоклассника. Попадись такое в более поздние времена, это гарантированно стало бы сенсационной новостью, хотя большинство комментариев состояло бы из ругани. Но если учесть, что эпоха как раз переживала подъем «классов вундеркиндов» и «одаренных детей», школу, пожалуй, завалили бы похвалами, а в прессе появились бы разгромные хвалебные статьи.

Подобный безрассудный поступок совсем не вязался с образом осторожного и благоразумного ректора Вэя.

— Дедушка ректор, можно спросить о причине? Зачем мне сдавать экзамены в среднюю школу в статусе ученика первого класса? — поинтересовался Цзи Юань.

Ректор Вэй, судя по всему, не умел толком объяснять и лишь запинкой повторил слова своего приятеля:

— Мой друг сказал, что это политические очки... Получим политические очки — сможем запросить финансовую поддержку... Смок... сможем построить спортивную площадку и библиотеку...

Цзи Юань всё понял.

Спортивную площадку начальной школы Хунсин трудно было назвать площадкой: это был просто неровный кусок желтой глины. В обычные дни еще куда ни шло, но в дождливую погоду учителям и ученикам приходилось месить грязь, чтобы добраться до учебного корпуса. Для такой заурядной и неприметной начальной школы выбить дополнительное финансирование — задача почти невыполнимая, так что политические очки действительно имели огромную ценность.

К тому же досрочная сдача экзаменов в среднюю школу в любом случае входила в его планы на следующий год. Брат Сяосинь в следующем году перейдет в выпускной класс неполной средней школы — можно сказать, окажется на важнейшем жизненном перепутье, и Цзи Юань собирался перепрыгнуть в среднюю школу как раз для того, чтобы присматривать за ним.

Хотя инцидент с водохранилищем миновал и брат Сяосинь не бросил учебу, было неизвестно, пойдет ли он в армию после окончания средней школы. Если нет, то по стандартному для того времени пути простого человека его ждали либо поступление в профтехучилище или техникум, либо распределение на завод после выпуска. И лишь дети с выдающейся успеваемостью рисковали поступать в старшую школу ради экзаменов в университет — если провалишься, старшая школа никаких гарантий трудоустройства не давала.

Цзи Юань понимал, что не должен излишне вмешиваться в чужие судьбы — ему бы хватило и того, что сейчас брат Сяосинь был счастлив. Но он просто не мог смириться с мыслью, что брат Сяосинь пойдет учиться в ПТУ (проходные баллы в техникумы были высоки), а потом устроится на завод простым рабочим.

Ли Шулань, сначала сердито вытаращившая глаза на словах ректора о политических очках, к концу рассказа смягчилась и даже прониклась пониманием. Только вот жертвовать Цзи Юанем она по-прежнему не желала: пускай сын и очень умен, но его база в начальной школе еще не укреплена до конца. Если он отстанет в средней школе, разве это не превратится в «вытягивание ростков ради их скорого роста»?

— Мама, я буду сдавать эти экзамены.

— Юань-юань?!

Цзи Юань с улыбкой успокоил мать:

— Ничего страшного. Я ведь изначально планировал сначала перепрыгнуть в пятый класс, а потом уже штурмовать экзамены в среднюю школу. Теперь же можно убить двух зайцев сразу, так даже удобнее. Мама, если ты переживаешь, можешь сама протестировать меня по

материалам средней школы. Если справлюсь — разреши мне поступать, ладно?

— Юань-юань, ты уверен, что действительно хочешь в среднюю школу? — спросила Ли Шулань.
— Там же у тебя не будет друзей.

Успеваемость волновала ее куда меньше, чем другие стороны жизни сына.

Цзи Юань с уверенностью кивнул:

— В средней школе есть брат Юн, брат Сяосинь и остальные, так что всё будет в порядке.

Цзи Цзяньго и Цзи Лаогэнь тоже знали о планах мальчика. Мыслили они как самые обычные родители: считали, что перепрыгивание через классы — дело прекрасное, свидетельствующее об исключительных успехах ребенка в школе, а потому горячо поддерживали эту идею. В тот день, когда Цзи Юань с Ли Шулань вернулись домой, отец и дед радостно подбежали к ним:

— Ну как, Юань-юань, в какой класс тебя переводят?

— Ни в какой! — Ли Шулань сняла Цзи Юаня с велосипеда и, крутя педали, поспешно уехала прочь.

Отец с дедом ничего не поняли и озадаченно бросились за сыном:

— Юань-юань, чего это твоя мама расстроилась? Неужели в школе не разрешили прыгать через классы?

Цзи Юань кивнул:

— Ага, остаюсь в первом.

— Почему это? Твои оценки ведь такие хорошие, сплошные сотни! — встревожился Цзи Лаогэнь.

— Пап, — Цзи Цзяньго оттолкнул отца, хлопнул Цзи Юаня по плечу и попытался утешить: — Ничего страшного, сынок, раз не разрешают — ну и ладно. Многие школы вообще запрещают перепрыгивать через классы, не бери в голову! Мы-то знаем, что ты у нас учишься отлично!

Цзи Юань с улыбкой кивнул:

— Папа, дедушка, не переживайте, мне не обидно.

Услышав это от сына и внука, Цзи Цзяньго и Цзи Лаогэнь почувствовали себя еще более несчастными. Ведь еще вчера мальчик так воодушевленно говорил, что собирается в пятый класс, разве мог он не расстроиться? Какой же вредный этот ректор! Не разрешаешь — так и

скажи, зачем же ребенка обманывать? Как сильно сейчас болит сердечко у их Юань-юаня?

Ли Шулань вскоре вернулась на велосипеде. Заметив, что дед с внуком всё еще толкуются у ворот, она припарковала двухколесного друга и поинтересовалась:

— Чего это вы тут стоите? Почему в дом не идете?

Взяв Цзи Юаня за руку, она повела его внутрь:

— Юань-юань, иди ко мне в комнату. Пап, Цзяньго, садитесь пока обедать, у нас с Юань-юанем есть дела, мы поедем позже.

Не обращая внимания на строивших догадки мужчину и старика за дверью, Ли Шулань велела Цзи Юаню сесть за письменный стол, разложила перед ним только что одолженную тетрадь с заданиями по родному языку, а из ящика стола достала еще и контрольную по математике:

— Вот прошлогодние итоговые тесты за первый курс средней школы, попробуй решить. Если по каждому предмету не наберешь хотя бы по восемьдесят баллов, даже не думай о сдаче этих экзаменов.

Сама она была противницей такого резкого скачка, поэтому умышленно не дала мальчику времени на подготовку, надеясь, что он столкнется с трудностями и отступит сам.

Задания для средней школы в те времена были куда проще современных. Цзи Юань же незадолго до этого как раз листал методички для первого и второго курсов неполной средней школы, так что память его была еще свежа, и он быстро со всем справился. Результат остался прежним: сто баллов по математике и восемьдесят восемь по родному языку. Наблюдался небольшой перекося в сторону точных наук, но ничего критичного.

Ли Шулань остолбенела. Экзамены в середине семестра закончились совсем недавно, но среди ее собственных учеников не было никого с подобными результатами.

— Юань-юань, это же задания для средней школы, когда ты успел их пройти?

Она точно помнила, что сама его этому не учила.

— Мама, ты разве забыла, как я просил у тебя методички по языку и математике?

— Разве ты не брал их для Цзи Юна и Сун Цзинина?

— Ну, я заодно и сам их просмотрел!

— ... — Ли Шулань лишилась дар речи. Опустившись рядом с сыном на стул, она серьезно

спросила: — Юань-юань, ты действительно хочешь перепрыгнуть в среднюю школу? Понимаешь, она отличается от начальной, там тебе уже не будет так легко, как сейчас.

В прошлой жизни Цзи Юань пережил куда более суровые времена в средней школе: чтобы продолжать учебу, ему приходилось добиваться первых мест по всем предметам, дабы школа освобождала его от сборов и выплачивала стипендию. Разве мог он чувствовать себя несчастным сейчас, когда окружен любовью близких, под защитой старших братьев, и ему не нужно заботиться ни о чем, кроме учебы?

— Мама, у меня всё получится, — серьезно глядя ей в глаза, ответил Цзи Юань. — Я хочу сдавать экзамены.

— ...Ладно! — Ли Шулань сдалась. — Но никому об этом ни слова, даже дедушке с папой.

Она указала на закрытую дверь:

— Эти двое языка за зубами удержать не могут. Не дай бог проговорятся — все вокруг станут за тобой следить. Если поступишь — ладно еще, а если нет? Кто знает, каких гадостей наговорят завистники. Ну а я повторю то же самое: мне хочется, чтобы твое детство прошло легко и беззаботно. Поступишь ты или нет — не имеет никакого значения, так что не дави на себя.

— Я понял, мамуль, — с улыбкой кивнул Цзи Юань, чувствуя, как сердце переполняет абсолютное счастье. Особенно когда, открыв дверь, он увидел встревоженные лица отца и деда, до смерти перепуганных тем, что он мог опечалиться. В этот момент ему казалось, что он самый счастливый человек на свете — хоть плачь от умиления.

Если верить словам людей из будущего, в прошлой жизни он наверняка спас целую галактику, раз заслужил такое счастье в этой.

С тех пор как новости о переводе заглохли, Цзи Цзяньго и Цзи Лаогэнь стали вести себя исключительно осторожно, боясь неосторожным словом задеть Цзи Юаня. В тот вечер после возвращения домой мальчик выглядел так, будто едва сдерживает слезы, и это разрывало сердца родных. Желая хоть как-то развеселить внука и сына, они накупили ему целую гору сладостей и игрушек. Цзи Юань не знал, смеяться ему или плакать, и лишь после долгих и упорных уверений в том, что всё в порядке, заставил их остановиться. На игрушки Цзи Цзяньго тратиться перестал, зато принялся исправно выдавать карманные деньги. За пару дней у Цзи Юаня накопилось целых десять юаней, и проблема нехватки средств на детали для радиоприемника отпала сама собой. Поразмыслив, он решил, что если всплакнуть еще разок-другой, то, пожалуй, удастся насобирать и на новенький радиоприемник.

Хотя Цзи Юань был уверен, что без труда осилит программу неполной средней школы, ради спокойствия матери он всё же начал в свободное время просматривать учебники за седьмой

класс. Учебники за шестой класс начальной школы у него тоже появились — их принес ректор Вэй. Тот проявил себя на редкость ответственно и даже попросил учителя шестого класса устроить для мальчика индивидуальные занятия. Но стоило нескольким преподавателям позаниматься с Цзи Юанем, как они в один голос потребовали перевести его к себе и зачислить именно в их класс.

Ректор Вэй, разумеется, и думать об этом не хотел: он всё еще рассчитывал, что Цзи Юань произведет фурор.

В результате мальчик собственными глазами наблюдал, как молодые педагоги отчитывали ректора за косность мышления, непонимание принципов индивидуального подхода и калечение судеб детей.

Бедный ректор Вэй отчаянно обижался, но ради политических очков, ради новой спортплощадки и библиотеки для учеников... стискивал зубы и терпел.

Цзи Юань мог лишь сочувственно похлопать его по плечу.

Цзи Цзяньго в последнее время уделял сыну повышенное внимание и, заметив, что по вечерам тот изучает учебники средней школы, решил, что мальчик всё еще тяжело переживает неудачу. Ну и ладно, главное, чтобы сыну было хорошо. Беда была в том, что Цзи Юань читал учебники Ли Шулань: на каждый класс полагалось всего по одному экземпляру книг, мать не могла отдавать их надолго, да и сам Цзи Юань не всегда имел возможность читать. Самого его это не особо волновало, а вот скрытно наблюдавшего за сыном Цзи Цзяньго охватила тревога.

Строго говоря, он сильно сомневался, способен ли ребенок вообще разобраться в учебниках средней школы, но — возвращаясь к прежнему правилу — душевный покой сына был превыше всего. И тогда Цзи Цзяньго принялся рыться в сундуках и шкафах, пока наконец не отыскал свои собственные старые учебники за среднюю школу.

В свое время Цзи Цзяньго окончил неполную среднюю школу, что среди крестьянских детей считалось весьма солидным образованием. Семья хоть и бедствовала, но учить его не отказывалась. Вот только растущий мальчишка вечно хотел есть: Цзи Цзяньго целыми днями ходил с урчащим от голода желудком, какая уж тут учеба. Ли Шулань сидела с ним за одной партой и каждый день заворачивала в носовой платок паровой пампук, тайком подсовывая ему. А Цзи Цзяньго потом тщательно стирал этот платок и украдкой возвращал...

Учеба в средней школе давалась ему тяжело, учителя вечно его ругали, в животе постоянно бурчало, а учебу и вовсе пришлось бросить на середине. И тем не менее в воспоминаниях Цзи Цзяньго школьные годы были окрашены исключительно в нежные розовые тона. Поэтому, несмотря на прошедшие годы, он бережно хранил свои старые учебники.

Поглаживая пожелтевшую обложку, Цзи Цзяньго улыбнулся на редкость мягко. Эта книга, хранившая отблеск его юношеской робости, теперь перейдет к их с ней ребенку.

— Юань-юань, иди сюда.

— Пап, что такое?

— Разве ты в последнее время не листаешь учебники средней школы? — Цзи Цзяньго протянул ему потрепанный томик. — Это мои учебники со времен учебы, забирай! Береги их, смотри не порви.

— ... (O O O) — Цзи Юань был ошеломлен.

Отец, похоже, совершенно не так всё понял. Но учебники десятилетней давности возбудили в нем немалое любопытство: ему жуть как хотелось узнать, чем знания тех лет отличались от нынешних.

Книга, которую вручил ему отец, оказалась учебником по математике. Несмотря на пожелтевшую обложку, страницы были безупречно ровными — ни единого загнутого уголка, что ясно говорило о бережном хранении. Цзи Юань невольно подумал: неужели его папа, совсем как тетя Хуан, в душе отчаянно жаждал учиться?

Сгорающий от любопытства, мальчик раскрыл математический задачник десятилетней давности, и первые же предложенные задачи заставили его замереть в полном оцепенении:

«Марксисты считают, что производственная деятельность человеческого общества шаг за шагом развивается от низшего к высшему. Следовательно, познание людей — как в отношении природы, так и в отношении общества — также развивается шаг за шагом от низшего к высшему: то есть от простого к сложному, от одностороннего к многогранному. Познание людьми концепции количества в природе развивается точно так же. Давайте рассмотрим следующий пример:

Пример 1: До Освобождения крупный землевладелец Хуан Бадао на протяжении долгого времени нанимал десять батраков, ежегодно эксплуатируя производимое ими зерно в объеме 50 000 цзинь. Если предположить, что через x лет общий объем присвоенного землевладельцем зерна составит y цзинь, то мы получим формулу:

$$y = 50000x$$

Вопрос: сколько зерна у каждого батрака ежегодно отбирали в виде эксплуатации спустя 10 лет?»

Цзи Юань: « $\Sigma(\square^\circ D^\circ;)\square\dots\dots$ »

Он всегда считал себя довольно сообразительным. Если вдуматься, сама по себе эта математическая задача была простой, если смотреть только на цифры, но почему от её формулировки у него так странно кружилась голова?

Неужели родители в свое время учили настолько сложную математику? Раз уж мама смогла поступить в университет при таких раскладах, он больше никогда не осмелится хвастаться собственным умом. Попадись такая задачка ему — он бы точно не сдал экзамен, его бы просто укачало еще до того, как он успел бы до конца сосчитать цифры!

— Пап, а как ты учился в школе?

— Как я мог учиться? Конечно, хуже некуда, твой отец — совсем не книжный человек, — ответил Цзи Цзяньго. — Меня чуть ли не каждый день били линейкой по ладоням. Если бы не ради того, чтобы увидеть твою маму, я бы давно бросил... А потом дома стало совсем нечего есть, и мне пришлось уйти из школы и устроиться на завод.

Цзи Юань продолжил перелистывать страницы учебника, и с каждым новым разворотом крепло ощущение, что школьники той эпохи были просто невероятными людьми.

— Нет, пап, я уверен, что ты был очень умным. Я вот тоже не могу решить эти задачи, дело вовсе не в тебе.

Цзи Юань отложил учебник, придвинулся к отцу и спросил:

— Пап, а ты не хочешь продолжить учебу?

Цзи Цзяньго легко щелкнул его по лбу:

— Куда мне учиться на старости лет? Заработать достаточно денег на твоё образование — вот это мне по силам.

— Да нет же, пап, подумай сам: мама сейчас учительница. Если ты не будешь учиться дальше, как вы найдете общий язык в будущем? Разве тебе не хочется вместе с ней читать книги, разве не хочешь, чтобы она каждый день рассказывала тебе побольше о школьных делах?

<http://bllate.org/book/22417/2353572>